

Генезис польского популизма (1945–2023) и его влияние на трансформацию и поддержку «Права и справедливости»*

Тамерлан Эльдарович Мирзаджанов, МГИМО МИД России, Москва, Россия

Контактный адрес: mrgamer1@rambler.ru

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется процесс формирования и утверждения польского популизма на современном этапе в лице правящей партии «Право и справедливость» (ПиС, *Prawo i Sprawiedliwość*) с применением теоретического аппарата неоинституционализма, а также исторического и сравнительного подходов. Рассматриваются как общие черты популизма, так и особенные для Восточной Европы. Также изучается процесс развития представлений, практик и результатов, способствующих укоренению популистских ценностей и картины мира в польском общественном сознании в рамках концепции колеи зависимости (*path dependence*). В заключительной части описываются сущностные ориентиры, идеология, программа и электорат ПиС. Партия сравнивается со своим главным конкурентом «Гражданской платформой» (ГП, *Platforma Obywatelska*) с точки зрения стратегии, также упоминаются конкретные результаты правления ПиС. Польша отличается слабыми и неустойчивыми связями между избирателями и партиями, что приводит к отсутствию стабильной социальной базы поддержки у партий и, в свою очередь, ведет к их постоянному дроблению, высокой партийной волатильности. Партии в Польше исторически являются организациями с самым низким уровнем общественного доверия. В подобном контексте партии, которые смогут по-настоящему привлечь избирателя, моментально окажутся в более выгодном положении. Одним из наиболее подходящих методов потому являются простые, зачастую примитивные лозунги, непримиримость дискурса, агрессивность риторики, невыполнимые обещания всеобщего изобилия, резкое противопоставление себя всем остальным и отказ от демократических норм представительства в пользу сильного лидерства, то есть классический популизм.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

партии, популизм, демократический откат, Польша, ЦВЕ, «Право и справедливость»

* Статья публикуется в авторской редакции.

Мировая проблематика популизма

В современном мире все более отчетливой и губительной становится проблема роста популярности и, следовательно, электоральных побед популизма, в первую очередь популизма правого толка. Данные кейсы проявляются не только в развивающихся и гибридных режимах, но и, как показывает практика, в устоявшихся демократиях по всему миру. Популисты лишены идеологического ядра и поэтому фокусируются на негативной повестке, прибегая к деструктивной критике. С целью очернить политических соперников они используют конспирологию и теории заговора, чем чрезвычайно поляризуют общество, отучают его искать компромисс и стремиться к консенсусу. Склонные к применению и, более того, развитию политических мифов как главного средства коммуникации и легитимации, популисты внедряют в обществе идею об антинародном характере всех существующих элит, правящих кулуарно, в своих корыстных интересах, через механизмы развитой бюрократии и картельных, неформальных сетей в обход принципа народовластия. Себя же в этом контексте популисты называют единственными защитниками простого народа, отказывают всем иным политическим силам в моральном праве заниматься политикой, посредством чего выступают против самого принципа плюрализма и представительства различных мнений в политике. Подобные отрицательные явления ведут к нарушению принципа верховенства права, эрозии институтов, ухудшению демократического процесса, отмене принципов равенства и свобод, порождают национальную и религиозную нетерпимость, атмосферу вражды и тревоги в обществе. В качестве причин подобных событий научное сообщество сумело прийти к консенсусу лишь на уровне самых общих формулировок, среди которых – кризис современной либеральной демократии, ее неспособность адекватно отвечать текущим вызовам, увеличение культурного запроса в общественной среде и, как следствие, развитие культурного размежевания в социуме, иными словами – поиск социокультурной альтернативы статус-кво, так и не случившемся «концу истории»¹.

Восточноевропейская проблематика популизма

Восточная Европа, в первую очередь в лице Венгрии и Польши, продемонстрировала особенную уязвимость и склонность к правому популизму. Удивительным образом страны, поначалу продемонстрировавшие наиболее успешный случай перехода от посттоталитарного режима к молодой, но исправно функционирующей демократии, в 2000-е гг. оказались готовы отказаться от всего этого в пользу правого популизма, особенно проявившегося уже в 2010-е годы.

Для множества исследователей остается неясным вопрос, как общества, spolna ощутившие на себе все последствия «сильной руки лидера», вождизма, диктатуры одной партии, политизации и даже партизации всех уровней и сегментов социокультурного пространства, оказались готовы снова вернуться в подобный политический уклад. Если ранее доминировал взгляд, что опыт жизни

1 См. такие исследования популизма, как: Pelinka 2013; Müller 2014; Moffitt, Tormey 2014; Cooley 2016; Müller 2017; Weyland 2017; Stavrakakis et al. 2017; De Cleen, Stavrakakis 2017; Stavrakakis et al. 2018; Enyedi, Róna 2018; De Cleen et al. 2018.

при демократии до начала Второй мировой войны помог восточным европейцам столь успешно установить свободный политический режим после 1989-го г., то сейчас, наоборот, именно коммунистический период винят в формировании архаичной и деформированной политической культуры, готовой принять правый популизм в качестве государственной идеологии. Существует мнение, что восточноевропейские общества в целом столкнулись с разочарованием в либеральной демократии: экономическое перераспределение было не вполне справедливым, новые блага также стали распределяться неравномерно. Многие почувствовали себя «проигравшими» в результате социально-экономических реформ, так и не смогли найти себе место в новой системе; отчетливой стала и проблема безработицы среди молодежи. К тому же восточные европейцы испытали экономическую интервенцию и оккупацию со стороны западноевропейских корпораций и финансовых гигантов, для которых первые стали ресурсной и кадровой базой. Многие сходятся в оценке фрустрации, охватившей восточноевропейские общества по осознанию, что два десятилетия свободных выборов не позволили людям кардинально поменять свою жизнь и полностью взять судьбу в свои руки, ведь социально-экономические проблемы никуда не делись, лишь усугубились новыми факторами, например миграцией, а демократические политики оказались склонны к решению собственных задач в рамках активного сотрудничества с крупным бизнесом. Впрочем, вопрос о причинах поворота от демократии к популизму остается открытым¹.

Восточноевропейский популизм нацелен на критику правящих либеральных элит, заявляет об их коррумпированности, губительном и неверном правлении в переходный период 1990-х гг., продажности и несостоятельности правящих партий. С западноевропейским популизмом его роднит опора на национализм, отстаивание государственного вмешательства в экономическую сферу вплоть до защиты антиглобализма и протекционизма и – особенно – перераспределение с целью поддержки малоимущих, резкое неприятие мультикультурализма и текущей миграционной политики². Как и западный, восточноевропейский популизм делит общество на выигравших от текущего политического порядка и проигравших, среди которых он и ищет поддержки. Выигравшие обозначаются как либералы, капиталисты, лишенные чувства национальной солидарности и представлений о социальной ответственности. Они космополитичны, их культурный код размыт, они не любят и не ценят национальную культуру и традиции. Своим домом они считают Евросоюз. Проигравшие же – это противники иностранных инвестиций, хранители своей культуры, евроскептики. Проблемы переходного периода 1990-х гг., его последствия в 2000-е гг., экономическое развитие в 2010-е гг., финансовое неравенство, слабая институализация, непрочные связи между партией и избирателем, неполное соответствие сегодняшних западных ценностей и национального уклада в Восточной Европе открывают еще большие перспективы для популизма³.

1 О причинах кризиса демократии в Европе см.: Kriesi 2014; Benedikter, Karolewski 2016; Stanley 2017; Modrzejewski 2017; Sadurski 2018; Piatkowski 2018; Drozdowicz 2018; Stanley, Czeanik 2019; Tworzecki 2019.

2 Stanley 2018.

3 Kriesi 2014.

Времена рыночной трансформации и адаптации к рынку 1990-х и начала 2000-х гг. породили поляризацию «победивших» (сторонников рынка, мировой интеграции, глобализма) и противников всего этого – «проигравших», на поддержку которых и рассчитывает популизм. Особенно удачно антиэлитный дискурс ложится именно на восточноевропейское политическое сознание, в котором десятки лет правления закрытой и обособленной коммунистической власти выработали характерно резкое непринятие элит, чуждых и неподконтрольных. Любые общественные проблемы и неудачи, таким образом, лишь подогревают спрос на популизм и увеличивают политический капитал популистских партий¹.

Польская проблематика популизма

Непосредственно же Польша являет собой очень специфичный кейс, как с точки зрения истории и общественного уклада, так и с точки зрения политики. Так, всплеск популярности популизма и готовность поляков с легкостью расстаться с либерально-демократическими ценностями зачастую достаточно убедительно объясняется жесточайшими противоречиями между традиционной польской католической нравственностью и современными европейскими ценностями толерантности, исторической уязвленностью поляков на уровне массового сознания, попытками построить сильное государство с сильным лидером и огородиться от соседей, завышенными ожиданиями и несбывшимися мечтами, связанными с установлением либеральной демократии, инертностью, безынициативностью и бездействием либеральных сил во время их нахождения у власти, отсутствием у них ясного видения дальнейшего плана действий и национальной идеи, укорененной в польской политической культуре патологической склонностью к неприятию консенсуса, конфликту, отказу оппоненту в моральном праве иметь власть, представлению политики как поля битвы. Уверенно можно заявить лишь то, что Польша демонстрирует высокую волатильность приверженности партиям в среде избирателей, партии демонстрируют отсутствие устоявшихся и прочных связей с электоратом, электорат не готов последовательно идеологически и программно следовать за своей партией, внутри партий нередки антагонизмы и расколы. Сама логика политической системы Польши толкает избирателя к поддержке правого популизма, представляющего политику не средством разрешения общественных проблем и достижения благополучия, а жестокой и непримиримой борьбой с четким делением на своих и чужих. С другой стороны, уставшие от постоянных конфликтов поляки склонны стремиться к сильному, единоличному и авторитарному правопопулистскому лидеру, способному наконец объединить всю Польшу под эгидой единой политической силы. В современной Польше политика стала отражением национально-исторического самоопределения, попыткой отделить патриотов от предателей, что также совпадает с устремлениями правых популистов².

Сильное влияние популистских партий на польскую политику, в действительности, довольно продолжительное явление³. Неотъемлемые черты популизма

1 Dawson, Hanley 2016.

2 Stanley 2015; Fomina, Kucharczyk 2016; Karolewski 2016; Szczerbiak 2017; Markowski 2018; Stanley 2018; Karolewski 2019; Markowski 2020.

3 Jaskiernia 2018.

в польском преломлении – установление жесткой дискурсивной дихотомии «народ–элиты» и постулирование неизменного конфликта между их интересами, регулярно прокламируемый приоритет единого цельного «народа» над «элитами» с отсылкой на принцип народного суверенитета, само представление о «народе» как априори истинном, настоящем и законном акторе политики в сравнении со всегда корыстной и коррумпированной «элитой»¹.

Всякий популизм и особенно польский – это довольно узкая, не всеобъемлющая идеология. Он не предоставляет законченную картину мира, не дает исчерпывающие ответы на весь спектр политических проблем. Популизм агрегирует и артикулирует недовольство и несогласие с текущим статусом кво на основе обвинения последнего в несправедливости, нечестности, жульничестве, безнравственности. Причину подобного расклада популисты усматривают в корыстности элит, в свете этого желают вернуть «власть народу» посредством прямых методов демократии и прихода к власти «настоящего народного лидера». Внутренняя пустота и одномерность популизма позволяет ему решать конкретную проблемно-политическую ситуацию, но не управлять и направлять государство в многомерном пространстве политики. В связи с этим популизм заимствует и комбинирует основные концепции и представления из других идеологий, адаптируя их под себя и контекст. Именно адаптация, гибкость и во многом вытекающая из них простота делают популизм столь применимым и легко распространяемым².

Так каковы же причины голосования за правых популистов в Польше? Существует позиция, что польское общество недостаточно глубоко, искренне и разумно восприняло демократические принципы, а переход к совершившейся демократии был поверхностным. Однако антиправительственные митинги и активизм низовых демократических движений говорят об обратном. Иная же позиция утверждает, что проблема кроется в последствиях как польской, так и в целом восточно-европейской демократии. Между тем наиболее разумным объяснением кажется преломление общемирового кризиса либеральной концепции в польском контексте. Данный кризис актуализировал и привлек внимание к популистской партии «Право и справедливость» (ПиС). Типичное для страны постсоветской политической культуры неуважение к институтам, перманентное желание их обойти и обхитрить наложило на стремление правых популистов оказаться над законом. Пока польские либеральные партии отмалчивались и не знали, как подступиться к проблемам нового времени, сохранив верховенство либеральных принципов невмешательства государства и прерогативы личной воли, ПиС блефовала, обещая спасти общество от всех надвигающихся угроз благодаря своей решительности, смелости и сильному лидеру, готовому защищать поляков «храбро и до последнего». План ПиС по «спасению страны» примитивен и недалёковиден, но вместе с тем ясен и понятен для избирателя. Здесь польский случай демонстрирует типичную черту – правые популисты легко побеждают там, где становятся нерешительны и бездействуют либеральные партии страны.

1 Stanley 2008.

2 Ibid.

Именно вопрос причин поддержки правых популистов в Польше и того, как эта поддержка меняет взгляды, поведение и позиции самих популистов, стал ключевым для данной работы. В Польше после 1945 г. сложилась определенная «колея зависимости» формирования и распространения популистских взглядов и картины мира. Эти процессы преломились и сочлись со взглядами и устремлениями ПиС, существенно повлияв на них, позволив им развиваться и радикализироваться. Найдя таким образом питательную среду для поддержки и основу для развития в направлении дальнейшей догматизации и фундаментализации, польские популисты смогли нанести решительный удар своим либеральным оппонентам и прийти к власти.

«Колея зависимости» польского популизма (1945–2015)

Сегодняшняя Польша легко принимает популистские партии, так как тому в существенной степени есть исторические предпосылки. В коммунистический период «Польская Объединенная Рабочая Партия» (ПОРП, *Polska Zjednoczona Partia Robotnicza*) активно применяла пропаганду, имевшую отчетливые черты популизма, регулярно заявляла о «народном» характере текущей власти, восхваляла ее источник – рабочих и крестьян. ПОРП отдельно подчеркивала суверенитет народа и абсолютную легитимность народной власти в противовес узурпаторской и деспотичной власти капиталистов и собственников, элиты времен интербеллума. ПОРП выступала против устоев Второй Польской Республики (1918–1939), называя их пережитками «ненародного прошлого». Однако в 1960-е гг. ПОРП сама стала восприниматься существенной частью общества как закрытая, оторванная от народа элита. Это способствовало продолжению существования основополагающего для польского политического устройства раскола «народ – элита» в массовом сознании¹.

Контроль коммунистической властью всех сфер жизни во времена Польской Народной Республики (ПНР) породил постепенное появление теневого, «тайного» и неформального пространства социального, культурного, трудового, семейного взаимодействия, где можно было укрыться от надзора и вмешательства. Это пространство стало восприниматься как открытое, честное, справедливое, рыночное и традиционное для культуры польского человека, в это же самое время официальное публичное пространство стало в подавляющем массовом сознании позиционироваться как чуждое и нечестное². Это создало представление об обществе «своих людей», живущих в соответствии с традициями, не принимающих внешние и насаждаемые коммунистические конструкторы. Так в общественном сознании укоренилась ключевая для популизма мысль о противостоянии «нашего», бытового, традиционного уклада и «их», навязанного внешней системой. Потому нарушение правил и норм официальной системы, которое так любит популизм, стало восприниматься польским социумом как дозволительное.

Деятельность профсоюза, а затем движения «Солидарность» (*Solidarnosc*) с 1980 г. также формировала представления о великой морально-нравственной

1 Stanley, Czeenik 2019.

2 Ibid.

битве примирившихся социальных групп объединенного народа в лице «Солидарности» и чуждых, корыстных элит, руководителей и начальников в лице ПОРП. Эта борьба в массовом сознании представлялась противостоянием легитимного народа против чуждого, бесчеловечного и бесчестного государства. «Солидарность» защищала благополучие, достойную жизнь, свободу рядового гражданина, оберегала традиционные национальные ценности, обычаи, культуру, культивировала исконно польскую идентичность. Лидер «Солидарности» Л. Валенса был и остается харизматичным человеком из народа, не имевшим никакого отношения ни к элитам, ни к контрэлитам, не признававшим политическую систему в ее текущем состоянии. Как оратор он использовал простые формулировки, бытовой язык, обращался непосредственно к народным массам, считал, что их обыденный опыт лучше любых политиков подскажет, что хорошо для страны, а что – нет. Он полагал, что тяжелый и многогранный процесс политико-экономической трансформации возможно осуществить радикальными, но простейшими решениями и собственной политической волей¹. Так социум культивировал одни из ключевых идей, лежащих в основе популизма и делающих принятие популизма возможным – «элиты не на нашей стороне», официальная система противоположна бытовому народному укладу, источник благоприятных изменений – харизматичный, но простой лидер «от народа», предлагающий прямые меры решения переболевших вопросов.

В переходный период 1990-х гг. популистские партии не имели существенного значения в партийной системе, были кооптированы в коалиции с более крупными и сильными партиями, проходили по их спискам либо вовсе не проходили в общенациональный или даже региональные парламенты. В то время все возможные электоральные расколы заменялись дихотомией «бывшие коммунисты – бывшие диссиденты». Доминировали элиты и контрэлиты коммунистического периода, которые в системе после 1989 г. стали равноправными. При этом существовал недостаток актуальности популистских «неэлит» или «антиэлит». Несмотря на данную дихотомию, все ключевые партийные силы в стране разделяли убеждение о необходимости демократических реформ в политике и либеральных – в экономике, хотя каждый из двух лагерей предлагал свой план трансформаций. Места для популистской антисистемности, непринятия текущего демократического уклада и разочарованности, протеста против складывающихся экономических правил не оставалось².

1990-е и начало 2000-х гг. отличались сильной электоральной и вслед за этим партийной волатильностью, ситуация эта мало изменилась и сейчас. Партии регулярно дробились, раскалывались, упразднялись и перерождались в новые. Так как все политики имели относительно «новые» партии, не существовало весомых сложностей в создании «людьми из народа» (популистами) партий новейших и конкуренции с другими политическими силами – истеблишментом. Несмотря на это, популистские партии еще не имели поддержки, не были значимы, весомы и популярны³. Однако к середине 2000-х гг. экс-коммунисты потеряли вчерашние

1 Stanley, Czezenik 2019.

2 Stanley 2018.

3 Sikk 2012.

позиции и их раскол с экс-диссидентами перестал быть актуальным. Общественное беспокойство начала 2000-х гг. о дальнейшем пути развития страны после окончания переходного периода также открывало возможности для популистских партий, так как тревога, опасения и недоверие – всегда важнейший ресурс эмоционально-идейной базы популизма¹.

Время популизма пришло ближе к парламентским выборам 2001 г., когда избиратели в большинстве своем начали разочаровываться в эффективности политического истеблишмента, не чувствовали, что их интересы пересекаются. Партии не могли достаточно институализироваться и построить долгие, устойчивые связи с избирателями, из-за чего наблюдалась высокая партийная и, как следствие, электоральная волатильность. Экономические реформы переходного периода вызывали недовольство и фрустрацию, так как вели к безработице и падению благосостояния. В парламент самостоятельно прошли две откровенно популистские партии: получившая третий результат аграрно-националистическая «Самооборона Республики Польша» (СРП, *Samoobrona Rzeczypospolitej Polskiej*), созданная в 1992 г. и позднее распущенная в 2012 г., и созданная под выборы 2001 г. консервативно-католическая «Лига Польских Семей» (ЛПС, *Liga Polskich Rodzin*). Обе были в общенациональном парламенте лишь с 2001 по 2005 и с 2005 по 2007 гг., с тех пор более не играя сколь-нибудь значимой роли в политике. Обе партии выступали против элиты переходного этапа, называя их реформы неверными и ошибочными из-за порожденного ими социально-экономического неравенства. По их мнению, европейская, западная и мировая интеграция, проводимая элитами, противоречит и вредит польскому обществу, национальной культуре и традициям².

В 2000-е гг. в обществе все более распространялись мнения о недостаточности проведенных люстраций и сохранении коммунистическими элитами преуменьшенного, но все еще завидного социально-экономического положения³. Экономика Польши развивалась, но это крайне умеренно отражалось непосредственно на благополучии отдельных домашних хозяйств.

Вхождение в национальный парламент СРП и ЛПС разбавило, а затем заменило общественно-политическое внимание с вопросов преодоления коммунистического прошлого на проблемы и, следовательно, альтернативы польской либеральной демократии, бедственное положение «проигравших» в результате прошедших трансформаций, коррупцию, несовершенство нового государственного управления. Эти события окончательно сделали актуальными и адекватными партии правого популистского толка, переставшие быть аутсайдерами и маргиналами⁴.

Рост популярности, принятие, одобрение популистских партий к середине 2000-х гг. привели к тому, что основные партии страны, а конкретно – ПиС, начали радикализироваться в сторону популизма с целью увеличения поддержки. Так, ПиС образца 2001 г. была умеренно консервативной, патриотической,

1 Millard 2006.

2 Stanley 2015.

3 Otto 2006.

4 Stanley 2017.

национал-либеральной партией, объединявшей сторонников люстраций и декоммунизации, состояла из тех лидеров «Солидарности», которые в результате трансформаций получили меньше всего власти. До Пис они создали «Соглашение Центр» (СЦ, *Porozumienie Centrum*), которая вышла из «Солидарности» в 1990 году. После относительного успеха на выборах 1991 г. в рамках коалиции «Центристское Гражданское Соглашение» (ЦГС, *Porozumienie Obywatelskie Centrum*) СЦ имела крайне малую поддержку. В 1993 г. СЦ вступила в коалицию «Избирательная Акция Солидарность» (ИАС, *Akcja Wyborcza Solidarnosc*). В том же 1993 г. СЦ вовсе не прошла в преимущественно социал-демократический парламент, а в 1997 г. выступала крайне плохо и только как малый партнер в ИАС. Важно, что Пис в парламентский цикл 2001–2005 гг. нельзя было назвать радикальной или популистской, она в основном концентрировалась на вопросах декоммунизации, люстрации, борьбы с коррупцией¹.

Коррупционные скандалы правительства «Союза Демократических Левых Сил» (СДЛС, *Sojusz Lewicy Demokratycznej*), правившего в 2001–2005 гг. и появившегося в 1991 г. из осколков ПОРП, только усугубляли политическую апатию и готовность воспринять популизм среди граждан. Вступление страны в ЕС в 2004 г. вызвало лишь недолгую эйфорию и не ликвидировало негативные и скептические настроения, столь благоприятные для поддержки популизма. В 2001 г. прошла в парламент Пис, на тот момент традиционалистская и национал-либеральная. В период своего правления в 2005–2007 гг., была создана их коалиция с СРП и ЛПС. Эта коалиция на тот момент была слишком непримирима для польской партийной системы и не отсидела полный парламентский цикл. Все три партии предлагали различную по тональности и тематике критику сложившейся в 1990-е гг. модели трансформационного польского либерализма. Пис тогда идейно сблизилась с партнерами по коалиции и тем самым перехватила их электорат и повестку, но и сама стала более популистской и радикальной из-за этого сближения. Так путь, проделанный страной с 1989 по 2007 гг., открыл дорогу популизму в большую политику в ранге национальной идеологии.

СРП и ЛПС в 2005–2007 гг. предлагали слишком радикальные законопроекты, весь остальной парламент и Конституционный Суд противодействовали им, считая врагами либеральной демократии. За два года их недисциплинированность привела к пяти сменам в составе правительства, которые закончились досрочными выборами. Популистская стратегия коалиции Пис радикализировала политическую конкуренцию и расколы, вызвав ответную реакцию ГП и остальных политических сил, ставших воспринимать Пис не как коллег-политиков, а как врагов демократии. Европейские политические силы встали на позиции ГП². Это вкупе с досрочным окончанием правления Пис общепарламентская коалиция против Пис СРП и ЛПС еще больше радикализовала риторику Пис о захватившей власть корыстной элите посткоммунистического периода, картеле, сети «подельников», «иностранных хозяев» и нелегальном отчуждении от власти честно избранных «последних защитников простого народа».

1 Millard 2006.

2 Stanley, Czezenik 2019.

Типично популистское непринятие текущей системы стало характерно для Пис. Она утверждала, что система 1989 г. была создана преступным сговором между коммунистами, избежавшими люстраций, сохранившими свои позиции, и либералами, получившими доступ к власти и коррупционным схемам обогащения. В 1990-е гг., по мнению Пис, бывшие коммунисты и либералы активно сотрудничали в верхах, создали элитный картель, заняли руководящие позиции в политике, чиновничестве, промышленности, СМИ, а в начале нового века стали всячески дискредитировать и порочить «единственного» защитника простого народа – партию «Право и справедливость». Внутренний кризис и слабый электоральный результат левых, в частности СДЛС, в середине 2000-х гг. позволил Пис стать новой главной оппозицией либерализму. Вскоре стало ясно, что коалиция Пис и второй главной партии страны (евролиберальной и правоцентристской ГП) становится невозможной, ведь Пис являлась культурно правой, экономически левой, бескомпромиссно желала радикальных трансформаций, а ГП была культурно левой, экономически правой, консенсусной, стремилась к осторожному и вдумчивому управлению¹.

Пис окончательно стала популистской в период нахождения в оппозиции в 2007–2011 годах. Чем более Пис становилась популистской, тем более сельским, пожилым, малообразованным, религиозным становился ее электорат. Демографически и эмоционально возобладали энергия ресентимента. В конечном итоге высокая мобилизационная сила популизма сделала свое дело: в 2015 г. Пис смогла привлечь в процентном отношении страты, не представляющие ее ядерный электорат, чем выиграла перед своим главным конкурентом, ГП. Пис смогла заинтересовать голоса молодежи, лиц с высшим образованием, жителей больших городов, то есть тех, кто должен более всего отстаивать либеральную демократию. Получив гетерогенную и общенациональную поддержку, Пис приступила к фактическому сворачиванию демократических институтов, мешающих ее безраздельному правлению, реализации авторитарно-популистской программы, проведению широкой политики перераспределения с целью «купить» избирателя и отвлечь его внимание от происходящего демонтажа².

«Колея зависимости» польского популизма (2015–н.в.)

Наибольшим успехом популизма была победа Пис на парламентских выборах в 2019 году. Хотя существует ряд исследователей, позиционирующих идеологию Пис как национализм или новый авторитаризм³, есть ряд неоспоримых черт, позволяющих отнести партию именно к популистскому лагерю. Пис стоит на позициях левого популизма в социально-экономической сфере и правого популизма в сфере культурной. По большей части это проистекает из приоритета для Пис традиций, консерватизма, католического фундаментализма и евроскептицизма. Пис резко выступает против либерализма, феминизма, прав сексуальных меньшинств, иностранцев и иностранного капитала. Пис стремится

1 Szczerbiak, 2007.

2 Stanley, Czeenik 2019.

3 Markowski 2018.

трансформировать государственные институты в соответствии со своим антилиберальным видением политического. ПиС присущи радикализированный национализм, патриотизм, этатизм, клерикализм, неприятие Европейского союза в его нынешнем виде, солидаризм как забота о простых людях и малоимущих слоях, приоритет семьи (страна – это семья семей), вера в сильного лидера и сильное государство, прямую демократию как панацею от любых политических проблем¹. Предпочтение прямой демократии и сильного авторитарного лидера признано ключевыми чертами популизма².

Главный конкурент ПиС, ГП, в предвыборной гонке 2015 г. концентрировалась на своих прошлых достижениях – при ее власти в 2007–2011 гг. происходила модернизация страны, увеличились приток иностранных инвестиций и экономический рост, а за ними пришли рост строительства и развития инфраструктуры. Существенно улучшился социально-экономический климат, возросла роль страны на международной арене. ПиС же акцентировалась на будущем, запугивая избирателя теми «угрозами», которые должны постигнуть Польшу в самом ближайшем будущем³. Запугивание будущими «угрозами», культивирование тревоги и недоверия и постоянные отсылки к прошлому являются типичными чертами идеологии популизма⁴.

Как это присуще популистам, ПиС строила свою идеологию на реакции, противопоставлении и отрицании, в частности либерализма. Так, если либералы 1990-х гг. считали конституцию, защищающую права человека, разделение властей, свободный рынок, культурную раскрепощенность и евроинтеграцию спасением от проблем, созданных коммунистическим периодом, ПиС к концу 2000-х гг. начала называть ее источником неудач посткоммунистического периода. ПиС предлагала сделать исполнительную власть доминирующей и основной, неподотчетной судам, применить экономический протекционизм и национализм, ввести ограничение для иностранного капитала и мировых валют, закрепить приоритет и позицию национальной культуры и религии, построить национально-ценностно ориентированную модель демократии. ЕС же с течением времени стал позиционироваться ПиС как главный источник проблем Польши в силу космополитических, чересчур плюралистических ценностей и порядков, не соответствующих моральным обычаям поляков⁵.

Успех ПиС во многом был продиктован неудачей ГП, чьи осторожность и осмотрительность к 2015 г. стали восприниматься как медлительность и нераспоротность. ГП стала превращаться в партию элит, отстраняясь от простого избирателя и замыкаясь в себе, была нерешительна в мобилизации и невнятна в презентации новых программных пунктов, допустила ряд репутационных и коррупционных скандалов. Как итог, лишь 52% голосовавших за ГП в 2011 г. сделали это снова в 2015 году. ПиС же с программной точки зрения предлагала новые,

1 Jaskiernia 2018.

2 Goodwyn 1991; Weyland 2001.

3 Jarosław Kaczyński, "Oswiadczenie Prezesa Prawa i Sprawiedliwosci, Wicepremiera Jarosława Kaczynskiego (Statement of the President of Law and Justice, Deputy Prime Minister Jarosław Kaczyński)," PiS Official Website, July 27, 2020, accessed August 3, 2024, <https://pis.org.pl/aktualnosci/oswiadczenie-prezesa-pis-wicepremiera-jaroslaw-kaczynskiego>.

4 Jaskiernia 2018.

5 Stanley 2018.

свежие методы политического управления, комплексную перестройку всей политической системы страны¹.

Программная поддержка Пис во многом основана на вопросах границ гражданских свобод и экономической справедливости. С одной стороны, современные европейские ценности расширяют привычные гражданские свободы, существенно противоречащие национальной польской культуре и традициям. С другой стороны, завидный экономический рост Польши в период с 1989 г. так и не привел к удовлетворительному социально-финансовому равенству к 2015 году. Именно эти проблемы Пис ставит во главу угла своей программы². Также мобилизация избирателя происходила за счет дружественных Пис СМИ, которые не гнушались конспирологии, откровенно беспочвенных обвинений правительства ГП, ничем не подкрепленных заявлений об упадке и кризисе в стране³. «Народность» Пис проистекает из ее приоритета социально-экономической справедливости, внимания ко всем проигравшим в результате экономических реформ, представления о приватизации 1990-х гг. как нечестной и жульнической, недоверия к банкам и крупному бизнесу в сочетании с крайней заботой о бизнесе малом⁴. Страсть к перераспределению и внимание к маргинальным слоям, проигравшим и неучтенным группам суть классические черты популизма⁵.

В соответствии с популистской традицией Пис пыталась привлечь избирателя обещаниями благ посредством солидарного перераспределения, особенно это было действенным в случаях молодых избирателей вне крупных городов и производственно-финансовых центров страны, которые не ощутили, что общенациональный экономический подъем, начавшийся с конца 2000-х гг., достаточно сказался на их личном благосостоянии⁶. Многих из них пессимизм приводил к эмиграции. На успех Пис работала ее антимигрантская позиция, разделяемая большинством общества, на фоне обязательств правительства ГП перед ЕС принять часть сирийских беженцев⁷.

Существует позиция, что ядерный электорат Пис имеет ряд базовых особенностей: потребность чувствовать себя частью сообщества, одобрения им, уважения другими, потребность в порядке, контроле, безопасности, простом объяснении картины мира, низкая восприимчивость к изменениям и самооценка, верность традициям и устоям прошлого. Им легко видеть мир черно-белым и четко делить людей на правых и неправых, они полны недоверия ко всем, кто отличается от них и не входит в их сообщество⁸. Ядерный электорат Пис – это люди среднего и пожилого возраста, жители села и малых городов, менее образованные и менее квалифицированные, но более религиозные, чем среднестатистический гражданин. Они

1 Stanley 2018.

2 Tworzecki, Hubert, and Radosław Markowski, "Did Poland Just Vote in an Authoritarian Government?" The Washington Post, November 3, 2015, accessed July 29, 2024, <https://www.washingtonpost.com/news/monkey-cage/wp/2015/11/03/did-poland-just-vote-in-an-authoritarian-government/>.

3 Ibid.

4 PiS 2014.

5 Dornbusch, Edwards 1990; Laclau 2007.

6 PiS 2019.

7 Gursztyn, Piotr, "Polska Dwóch Prędkości (Two-Speed Poland)," Do Rzeczy, September 7, 2015, accessed July 24, 2024, <https://dorzeczy.pl/kraj/7087/polska-dwoch-predkosci.html>.

8 Turska-Kawa 2012.

более склонны находиться в традиционных, сплоченных группах и сообществах, характерных для национального и регионального контекста, нежели в атомизированном и индивидуалистском современном сегменте польского общества¹.

Однако в периферийный электорат Пис, который и принес ей победу в 2015 и 2019 гг., вошли почти все основные страты и группы в стране. Успех 2015 г. был обусловлен тем, что Пис смогла заполучить в качестве своего периферийного электората традиционно ядерный электорат ГП, то есть молодых людей с высоким уровнем образования, студентов, жителей крупнейших городов, в том числе Варшавы. Ставка на молодежь себя оправдала – за Пис проголосовало больше всего избирателей от 18 до 29 лет, ГП же молодежную часть электората потеряла почти полностью. ГП обгоняла Пис только незначительно по проценту поддержки среди предпринимателей (28,8 против 28), директоров и топ-менеджеров (28,7 против 25,8). Наибольшая поддержка Пис традиционно расположена на востоке и юге страны, которые до 1918-го г. входили в состав Российской и Австро-Венгерской империй. ГП же исторически показывает лучшие результаты на севере и западе страны, которые являлись частью Прусской империи и Веймарской республики².

Отказ Пис от социального консерватизма и превращение партии в деструктурированный центристский лагерь без конкретных ориентиров отвели ГП от медианного избирателя и позволили Пис монополизировать повестку социального консерватизма. Будучи исторически выходцами из одной, хоть и сильно гетерогенной «Солидарности», ГП и Пис пришли к идеологическому расхождению, которое было продиктовано не столько принципами, сколько внешним контекстом, случившимися обстоятельствами, политическим маркетингом и конъюнктурой. В начале 2000-х гг. они представляли два разных взгляда в одном либеральном лагере, противостоящим левым партиям, возникшим на осколках ПОРП, но затем главный электоральный раскол «бывшие коммунисты – бывшие диссиденты» сменился на «евролибералы – нацконсерваторы». Разногласия и противоречия между элитами, электоратом, принципами и культурным кодом ГП и Пис достигли пика к выборам 2011 г., когда ГП и Пис окончательно начали формировать свою идентичность через образ врага общества в лице друг друга³.

ГП осознавала, что развитие производственной и финансово-экономической сфер должно сильнее сказываться на благосостоянии домашних хозяйств. С этой целью ГП предлагала реформировать в сторону уменьшения подоходный налог и отменить часть взносов социального и медицинского страхования. Но в отличие от четко обозначающей свою позицию Пис, ГП презентовала план налоговой реформы крайне расплывчато и недоходчиво. В подобном контексте ГП надеялась не идейно и программно превзойти Пис, а победить за счет мобилизации исторически самой большой электоральной группы в стране – абсентеистов, запугав их ужасами прихода к власти «нецивилизованной» Пис⁴.

Подход к роли идеологии, идентичности и мобилизованности общества сильно отличается у двух главных партий. ГП в начале 2000-х позиционировала себя как

1 Tworzecki 2019.

2 Szczerbiak 2017.

3 Ibid.

4 Ibid.

правых либералов, модернистов и рыночников. Затем, дабы идейно сблизиться с ближайшим конкурентом ПиС, ГП использовала социальный консерватизм и патриотизм. Однако к началу 2010-х гг. идейная основа ГП стала размытой, пытаясь быть всеохватной, все упомянутые аспекты бесхитростно заменялись словами «модернизм» и «евроориентация». ПиС же с конца 2000-х гг. становилась, наоборот, более сконцентрированной и проработанной, у нее была сверхцель – новая конституция и новая Речь Посполитая, с новым политическим устройством и традиционными морально-нравственными социальными нормами. ПиС искала сплоченности, эмоциональных связей и ясной, отчетливой идентичности с избирателями и функционерами. Связи же ГП со своими функционерами строились преимущественно на карьеризме и бенефициях¹.

Правление ПиС

С 2015 г. реализация программы ПиС происходила в следующих направлениях: смена административно-управленческой элиты, сформированной в период с 1989 г., на лояльную и подотчетную, трансформация государственной системы путем демонтажа либеральных ограничителей, сдержек и противовесов, мешающих безраздельному и неограниченному правлению победителей, и, наконец, широкая политика перераспределения, пособий, дотаций с целью «покупки» граждан, которая должна погасить возможное недовольство данными трансформациями. С другой стороны, гражданин должен быть запуган внешними и внутренними «врагами», видеть перед собой перманентно маячащий кризис, единственным спасителем от которых выступает ПиС. Культивирование «угроз» и «кризиса» в общественном сознании было призвано легитимировать все последующие антидемократические шаги ПиС. Оправдание себя как единственного защитника от мнимого кризиса, вокруг которого они сами и создают ажиотаж, – типичная стратегия для правящих populists².

В попытке поймать волну общественного ресентимента ПиС также позиционировала себя как честного оппозиционера в порочной системе, созданной в соглашении («сговоре») коммунистов и диссидентов в 1989 году. «Кризис», которым пугает ПиС, – комплексный: это и политические проблемы (коррупция и клиентелизм), и экономические (несправедливое распределение результатов финансового развития), и культурные (угрозы национальной идентичности и традиционным ценностям с Запада и Востока). ПиС заявляет, что сама установленная либерально-демократическая система дала сбой, так как была задумана порочной властью в 1989 г. и реализована корыстными лидерами в 1990-е годы³. ПиС создала себе имидж силы, которая незаконно «зажималась» и не допускалась к власти ранее, а сейчас держит удар от множества внешних и внутренних политических сил, желающих остановить ее политику реформ «на благо народа»⁴.

1 Szczerbiak 2017.

2 Stanley, Czeenik 2019.

3 Moffitt 2014.

4 Stanley, Czeenik 2019.

Парламентские же выборы 2023 г. привели ПиС к ситуации, с одной стороны, демонтажа единоличного правления в силу работы демократических институтов, с другой – к ситуации некой «ничьей». Так, оппозиция под предводительством ГП смогла установить своего премьер-министра только в рамках широчайшей антиПиСовской коалиции, сама же ПиС получила относительное большинство мест в парламенте, президентом также пока является член партии А. Дуда. В качестве объяснений результатов выборов 2023 г. стоит говорить об окончании формирования и консолидации польских «новых левых», уже не аффилированных и не ассоциирующихся с советскими и постсоветскими коммунистами. Также Польша испытала подъем низового демократического активизма в качестве противодействия деятельности ПиС по форматированию гражданского общества. Мировые же реалии убедили польского избирателя стремиться к евроориентированным и либеральным силам, воспринимающим Европу как единую сплоченную сообщество в противовес ПиС, фокусирующейся на народничестве, особом историческом пути, самодостаточности и изолированности Польши. Правоконсервативные и правопопулистские идеи стали видаться не глотком свежего воздуха и возрождения католицизма, а опасными и деструктивными для польского суверенитета концепциями. Также не стоит забывать, что, как и все правые популисты, ПиС привержена теориям заговора и в силу этого преуменьшала угрозы пандемии и не боролась с ее последствиями в адекватной мере в 2020–2022 годах.

Высокая партийная волатильность как результат слабых связей «партия–избиратель» открывает большие возможности для популизма в Польше. Вся послевоенная история страны косвенно создавала благоприятную среду для популизма. Это, во-первых, коммунистическая пропаганда, во-вторых, известное для коммунистических обществ разделение общественной жизни на официальную и теневую и, в-третьих, диссидентская деятельность в последнее десятилетие пребывания Польши в социалистическом лагере. Хотя в 1990-е гг. популизм не был сильно проявлен, трудности переходного периода подготовили почву для его дальнейшего развития. В 1990-е гг. сложная ситуация и жесткие противоречия не оставляли места популизму, но стабилизация и активное развитие наряду с довольно слабым, в конечном итоге, ростом благосостояния домашних хозяйств в начале 2000-х гг. привели к первому всплеску популизма в лице СРП и ЛПС.

Однако проблемы переходных обществ к концу 2000-х гг. были в существенной мере решены, страна стала полноценным и успешным государством Европейского союза. Евроориентированность, разумеется, более способствовала умеренности и консенсусу, что противоречило популизму и привело к его спаду. Опыт начала – середины 2000-х гг. оставил своей след, что открыло возможности для популизма уже на уровне национальной политики и правящей партии. К середине 2010-х гг. данные проблемы окончательно не разрешились, евроориентированное правительство, как и сам текущий облик Европейского союза, не оправдали себя, а национальная реализация общетеоретических принципов либеральной демократии также прошла не без существенных недостатков.

Все это привело к тому, что одна из двух главных партий страны становилась все более популистской, а затем получила достаточную поддержку, чтобы стать правящей. Конкретные идеологически-программные компоненты ПиС прагматичны и конъюнктурны, продиктованы историей страны с 1989 г. и нынешними общественными чаяниями и проблемами, включают как черты правого, так и левого популизма.

ПиС на фоне ГП дает невыполнимые обещания грандиозного перераспределения, с другой стороны культивируя в обществе недоверие, тревогу, враждебность и ресентимент. Победа ПиС не была случайной: партии удалось уверенно расширить свою социальную базу и перехватить ядерный электорат ГП. Сложившийся же за последние 20 лет контекст помешал возможности рассматривать ПиС и ГП как большую правую коалицию, общие корни не смогли спасти их от размежевания и самоопределения через вражду друг с другом, нехарактерную для консенсуса либеральных демократий. ПиС отличается решительное и пугающее стремление радикально перестроить государственную и политическую систему страны, которое уже получило существенную реализацию. Наиболее тревожно в этой ситуации то, что ПиС уверенно отбрасывает многие основополагающие либерально-демократические принципы, в частности открыто отрицая наличествующие социально-экономические достижения страны, «запугивая» избирателя грозящими катастрофами. Продолжающийся миграционный кризис в Европе и не ушедшие противоречия современных европейских ценностей традиционным христианским только способствуют народной поддержке политики ПиС, хотя уже несколько лет вызывают обеспокоенность как внутри страны, так и за ее границами.

Тем не менее парламентские выборы 2023 г. продемонстрировали, что, несмотря на способствование демократическому откату, правые популисты во все еще демократических системах способны проигрывать выборы, если с этой целью спланируется весь остальной непопулистский электорат. Однако, как и в случае с США, польские правые популисты не смиряются с проигрышем, не меняют кадры и подходы, а активно стремятся к реваншу с тем же набором программных пунктов и еще большей непримиримостью и радикализацией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Benedikter, Roland, and Ireneusz P. Karolewski. "Poland's Conservative Turn of 2015: Where are Its Real Origins?" *CIFE Policy Paper* 35 (2016): 81–88.

Cooley, Alexander. "Countering Democratic Norms." In: *Authoritarianism Goes Global: The Challenge to Democracy*, edited by Larry Diamond, Marc F. Plattner, Christopher Walker, 117–134. Baltimore: John Hopkins University Press, 2016.

Dawson, James, and Seán Hanley. "What's Wrong with East Central Europe: The Fading Mirage of the 'Liberal Consensus'." *Journal of Democracy* 27, no. 1 (2016): 20–34.

De Cleen, Benjamin, Glynos, Jason, and Aurelien Mondon. "Critical Research on Populism: Nine Rules of Engagement." *Organization* 25, no. 5 (2018): 649–661. <http://dx.doi.org/10.1177/1350508418768053>.

De Cleen, Benjamin, and Yannis Stavrakakis. "Distinctions and Articulations: A Discourse Theoretical Framework for the Study of Populism and Nationalism." *Javnost – The Public* 24, no. 4 (2017): 301–319. <http://dx.doi.org/10.1080/13183222.2017.1330083>.

Dornbusch, Rudiger, and Sebastian Edwards. "Macroeconomic Populism." *Journal of Development Economics* 32, no. 2 (1990): 247–277. [https://doi.org/10.1016/0304-3878\(90\)90038-D](https://doi.org/10.1016/0304-3878(90)90038-D).

Drozdzowicz, Jarema. "Splendid Isolation. Reframing National Identity Through Political Populism in Poland." *Hague Journal on the Rule of Law* 11 (2018): 85–110.

Enyedi, Zsolt, and Dániel Róna. "Governmental and Oppositional Populism: Competition and Division of Labour." In *Absorbing the Blow: The Impact of Populist*

Parties on European Party Systems. Colchester: ECPR Press, 2018: 251–272.

Fomina, Joanna, and Jacek Kucharczyk. "Populism and Protest in Poland." *Journal of Democracy* 27, no. 4 (2016): 58–68. <http://dx.doi.org/10.1353/jod.2016.0062>.

Goodwyn, Lawrence. "Rethinking 'Populism': Paradoxes of Historiography and Democracy." *Telos* 88 (1991): 37–56. <https://doi.org/10.3817/0691088037>.

Jaskiernia, Jerzy. "The Development of the Polish Party System: A Perspective of the Parliamentary Elections Results." *Polish Political Science Yearbook* 46, no. 2 (2018): 227–246. <http://dx.doi.org/10.15804/ppsy2017214>.

Karolewski, Ireneusz P. "Protest and Participation in Post-Transformation Poland: The Case of the Committee for the Defense of Democracy (KOD)." *Communist and Post-Communist Studies* 49, no. 3 (2016): 255–267. <https://doi.org/10.1016/j.postcomstud.2016.06.003>.

Karolewski, Ireneusz P. "Memory Games and Populism in Postcommunist Poland." In *European Memory in Populism*, edited by Chiara De Cesari, and Ayhan Kaya, 239–256. London: Taylor and Francis Publishing, 2019.

Kriesi, Hanspeter. "The Populist Challenge." *West European Politics* 37, no. 2 (2014): 361–378.

Ladau, Ernesto. *On Populist Reason*. London: Verso, 2007.

Markowski, Radosław. "Plurality Support for Democratic Decay: The 2019 Polish Parliamentary Election." *West European Politics* 43, no. 13 (2020): 1513–1525.

Markowski R. (2018). Creating Authoritarian Clientelism: Poland After 2015. *Hague Journal on the Rule of Law* 11, no. 3 (2020): 111–132. <http://dx.doi.org/10.1080/01402382.2020.1720171>.

Modrzejewski, Arkadiusz. "Catholic and Nationalist Populism in the Current Poland." *Perspective Politice* 10, no. 1 (2017): 21–31.

Müller, Jan-Werner. "Populism and Constitutionalism." In *The Oxford Handbook of Populism*, edited by Cristóbal R. Kaltwasser, Paul Taggart, Paulina Ochoa-Espejo, and Pierre Ostiguy. Oxford: Oxford University Press, 2017. <https://doi.org/10.1093/oxfordhdb/9780198803560.013.28>.

Millard, Frances. "Poland's Politics and the Travails of Transition After 2001: The 2005 Elections." *Europe-Asia Studies* 58, no. 7 (2006): 1007–1031. <http://dx.doi.org/10.1080/09668130600926215>.

Moffitt, Benjamin. "How to Perform Crisis: A Model for Understanding the Key Role of Crisis in Contemporary Populism." *Government and Opposition* 50, no. 2 (2014): 189–217. <http://dx.doi.org/10.1017/gov.2014.13>.

Moffitt, Benjamin, and Simon Tormey. "Rethinking Populism: Politics, Mediatization and Political Style." *Political Studies* 62, no. 2 (2014): 381–397.

Müller, Jan-Werner. "The People Must Be Extracted From Within the People: Reflections on Populism." *Constellations* 21, no. 4 (2014): 483–493. <http://dx.doi.org/10.1111/1467-8675.12126>.

Otto, Justyna. "Polak Bogatszy, ale Nieszczęśliwy – Portret Obywatela RP po 16 Latach Transformacji." *Studia Politologiczne* 10 (2006): 233–251.

Otto, Justyna. "Poles are Richer but Unhappy – Portrait of a Polish Citizen after 16 Years of Transformation." *Studia Politologiczne* 10 (2006): 233–251 [In Polish].

Piatkowski, Marcin. *Europe's Growth Champion: Insights from the Economic Rise of Poland*. Oxford: Oxford University Press, 2018. <http://dx.doi.org/10.1093/oso/9780198789345.001.0001>.

Pelinka, Anton. "Right-Wing Populism: Concept and Typology." In *Right-Wing Populism in Europe: Politics and Discourse*, edited by Ruth Wodak, Majid Khosravinik, and Brigitte Mral. London: Bloomsbury, 2013.

PiS. *Dobry Czas Dla Polski: Program Prawa i Sprawiedliwości*, 2019.

PiS. *Good Time for Poland: Law and Justice Program*, 2019 [In Polish].

PiS. *Zdrowie, Praca, Rodzina: Program Prawa i Sprawiedliwości*, 2014.

PiS. *Health, Work, Family: Law and Justice Program*, 2014 [In Polish].

Sadurski, Wojciech. "How Democracy Dies (in Poland): A Case Study of Anti-Constitutional Populist Backsliding." *Sydney: Legal Studies Research Paper* 18, no. 1 (2018): 1–72.

Sikk, Allan. "Newness as a Winning Formula for New Political Parties." *Party Politics* 18, no. 4 (2011): 465–486. <http://dx.doi.org/10.1177/1354068810389631>.

Stanley, Ben. "The Thin Ideology of Populism." *Journal of Political Ideologies* 13, no. 1 (2008): 95–110. <http://dx.doi.org/10.1080/13569310701822289>.

Stanley, Ben. "The Post-Populist Non-Crisis in Poland." In *European Populism in the Shadow of the Great Recession*, edited by Hanspeter Kriesi, and Takis S. Pappas, 245–263. Colchester: ECPR Press, 2014.

Stanley, Ben. "Populism in Central and Eastern Europe." In *The Oxford Handbook of Populism*, edited by Cristóbal R. Kaltwasser, Paul Taggart, Paulina Ochoa-Espejo, and Pierre Ostiguy. Oxford, 140–158. Oxford University Press, 2017.

Stanley, Ben. "A New Populist Divide? Correspondences of Supply and Demand in the 2015 Polish Parliamentary Elections." *East European Politics & Societies* 33, no. 1 (2018): 17–43. <http://dx.doi.org/10.1177/0888325418783056>.

Stanley, Ben, and Mikolaj Czeienik. "Populism in Poland." In *Populism Around the World. A Comparative Perspective*, edited by Daniel Stockemer. Cham: Springer, 67–87. 2019. http://dx.doi.org/10.1007/978-3-319-96758-5_5.

Stavrakakis, Yannis, Katsambekis, Giorgos, Nikisianis, Nikos, Kioukiolis, Alexandros, and Thomas Siomos. "Extreme Right-Wing Populism in Europe: Revisiting a Reified Association." *Critical Discourse Studies* 14, no. 3 (2017): 420–439. <https://doi.org/10.1080/17405904.2017.1309325>.

Stavrakakis, Yannis, Katsambekis, Giorgos, Nikisianis, Nikos, Kioukiolis, Alexandros, and Thomas Siomos. "Populism, Anti-Populism and Crisis." *Contemporary Political Theory* 17, no. 1 (2018): 4–27.

Szczerbiak, Aleks. "'Social Poland' Defeats 'Liberal Poland': The September–October 2005 Polish Parliamentary and Presidential Elections." *Journal of Communist Studies and Transition Politics* 23, no. 2 (2007): 203–232. <http://dx.doi.org/10.1080/13523270701317463>.

Szczerbiak, Aleks. An Anti-Establishment Backlash that Shook up the Party System? The October 2015 Polish Parliamentary Election." *European Politics and Society* 18, no. 4 (2017): 404–427. <http://dx.doi.org/10.1080/23745118.2016.1256027>.

Turska-Kawa, Agnieszka. "Fenomen Przywództwa Jarosława Kaczyńskiego w Kontekście Specyfiki Elektoratu Prawa i Sprawiedliwości." In *Demokracja w Polsce po 2007 Roku*, edited by Danuta Plecka. Katowice: Towarzystwo Inicjatyw Naukowych, 2012: 157–176.

Turska-Kawa, Agnieszka. "The Phenomenon of Jarosław Kaczyński's Leadership in the Context of the Specificity of the Law and Justice Electorate." In *Demokracja w Polsce po 2007 Roku*, edited by Danuta Plecka, 157–176. Katowice: Towarzystwo Inicjatyw Naukowych, 2012 [In Polish].

Tworzecki, Hubert. "Poland: A Case of Top-Down Polarization." *The Annals of the American Academy of Political and Social Science* 681, no. 1 (2019): 97–119. <http://dx.doi.org/10.1177/0002716218809322>.

Weyland, Kurt. "Populism: A Political-Strategic Approach." In *The Oxford Handbook of Populism*, edited by Cristobal R. Kaltwasser, Paul Taggart,

Paulina Ochoa-Espejo, and Pierre Ostiguy, 48–72. Oxford: Oxford University Press, 2017.

Weyland, Kurt. "Clarifying a Contested Concept: Populism in the Study of Latin American Politics." *Comparative Politics* 34, no. 1 (2001): 1–22. <http://dx.doi.org/10.2307/422412>.

Сведения об авторе

Тамерлан Эльдарович Мирзаджанов,
соискатель кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России
119454, Россия, Москва, пр-т Вернадского, 76
e-mail: mrgamer1@rambler.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 5 августа 2024.
Переработана: 16 сентября.
Принята к публикации: 19 сентября 2024.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Мирзаджанов, Т.Э. Генезис польского популизма (1945–2023) и его влияние на трансформацию и поддержку «Права и справедливости» // *Международная аналитика*. 2024.

Том 15 (3). С. 138–156.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-3-138-156>